

КЛАДБИЩА КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА: МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ПАРКАХ СРЕДНЕГО УРАЛА *

Воробьева Мария Владимировна,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
научный сотрудник, кандидат культурологии,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0002-8093-0878,
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Рабинович Евгений Ильич,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
доцент кафедры культурологии и социально-культурной
деятельности,
кандидат культурологии,
Екатеринбург, Россия,
ORCID: 0000-0001-7718-8564,
E-mail: svet-evg@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.06.2020, принята к публикации 28.09.2020

Для цитирования: Воробьева М.В., Рабинович Е.И. Кладбища культуры и отдыха: мемориальная культура и политика памяти в парках Среднего Урала // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 4 (41). С. 68–85. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10405

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-411-660005 «Специфика конструирования гражданской ответственности в 1920–2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга».

© Воробьева М.В., Рабинович Е.И., 2020

Аннотация

Статья посвящена тому, как государственная политика памяти современной России воплощается в парковых пространствах (парках, скверах) городов Среднего Урала и какие тенденции для неё характерны. Цель статьи – раскрыть трансформацию парковых пространств под влиянием российской государственной политики памяти.

Для достижения цели статьи авторы реконструируют историю парковых пространств на примере Среднего Урала советского и постсоветского периодов, рассматривая историко-культурные процессы в аспекте дистанцирования от парков мемориальных объектов или агрессивного проникновения в них. Выделены ключевые этапы истории парковых пространств: 1) раннесоветский этап (1920–1930-е годы), вызвавший к жизни первые мемориальные объекты и места памяти в духе ленинского плана монументальной пропаганды; 2) послевоенный этап (вторая половина 1940-х – начало 1950-х годов), давший начало сталинскому мифу о войне и его осуществлению в политике памяти; 3) позднесоветский этап (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х годов), связанный с расцветом мифа о войне и масштабной кампанией по увековечиванию победы; 4) постсоветский этап (с начала 2000-х годов по настоящее время), активизировавший политику памяти, которая включила в себя реанимированный миф о войне, а также породила новые мемориальные культы и коммеморативные практики.

Проведённое исследование позволило сделать следующие выводы: в результате реализации актуальной государственной политики памяти коммеморативная функция парковых пространств Среднего Урала постепенно ущемляет рекреационную функцию, а парки и скверы всё более становятся местами коммеморации. Данная ситуация закладывает основу будущих конфликтов между разными группами посетителей парков и горожан в целом. Также создаются сложности для модернизации парковых пространств, поскольку не только сами мемориальные объекты, но и зоны вокруг них воспринимаются как территории градостроительного покоя, а размеры площадей символических зон покоя оцениваются крайне субъективно. Вместе с тем, наличие мемориальных объектов в парковых пространствах выступает своеобразным гарантом физической сохранности последних, охраняя от застройки и, в конечном счёте, уничтожения.

Ключевые слова:

политика памяти, государственная политика памяти, места памяти, мемориальная культура, практики коммеморации, ритуальные площадки, парки и скверы, Средний Урал.

RECREATION CEMETERIES: CULTURE OF REMEMBRANCE AND POLITICS OF MEMORY IN THE PARKS OF THE MIDDLE URALS

Maria V. Vorobyeva,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
PhD (Cultural Studies), Research Fellow,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0002-8093-0878,
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru

Evgeny I. Rabinovich,

Ural Federal University,
PhD (Cultural Studies), Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
ORCID: 0000-0001-7718-8564,
E-mail: svet-evg@mail.ru

Article received on June 9, 2020, accepted on September 28, 2020

To cite this article: Vorobyeva, M.V., & Rabinovich, E.I. (2020). Kladbishcha kul'tury i otdyha: memorial'naya kul'tura i politika pamyati v parkah Srednego Urala [Recreation cemeteries: culture of remembrance and politics of memory in the parks of the Middle Urals]. *Scientific journal "Discourse-P"*, 4(41), 68–85. doi: 10.24411/1817-9568-2020-10405

Abstract

The article is devoted to the implementation and trends of the state politics of memory in modern Russia. The authors used the parks and squares of the cities of the Middle Urals as the research material. The purpose of the article is to reveal the transformation of parks and squares under the influence of the Russian state politics of memory.

The authors reconstructed the history of parks and squares in the Middle Urals of the Soviet and post-Soviet periods to achieve the goal of the article. Historical and cultural processes are considered in the aspect of distancing memorial objects from parks or aggressive penetration into them.

Key stages in the history of parks and squares are highlighted: 1) the early Soviet stage (1920-1930s) gave rise to the first memorial objects and places of memory in the spirit of the plan of monumental propaganda, which appeared after the revolution; 2) the post-war stage (the second half of the 1940s – the early 1950s) gave rise to the myth of war and its realization in politics of memory; 3) the late Soviet stage (the second half of the 1960s –

the first half of the 1980s) is associated with the heyday of the myth of war and a large-scale campaign to perpetuate the victory; 4) the post-Soviet stage (from the early 2000s to the present), activated the politics of memory. Modern Russian politics of memory has included a reanimated Soviet myth of war, as well as spawned new memorial cults and commemorative practices.

The study led to the following conclusions: the commemorative function of parks and squares in the Middle Urals impairs the recreational function. Parks and squares become places of commemoration as a result of the implementation of the modern state politics of memory. This situation creates the basis for future conflicts between different groups of park visitors. In addition, memorial objects and areas around them are perceived as free from development of the territory, and the size of these symbolic zones is highly subjective. This creates difficulties for modernizing the spaces of parks and squares. At the same time, the presence of memorial objects in parks and squares acts as a kind of guarantee of their preservation, because it protects parks and squares of development and destruction.

Keywords:

politics of memory, state politics of memory, realms of memory, culture of remembrance, commemoration practices, ritual sites, parks and squares, the Middle Urals.

Введение

Сложно отрицать значение мест рекреации – общения, отдыха, развлечения, занятий спортом – для городской повседневности. Тем более, если к ним прибавляется взаимодействие с природой, редкое для жителя города. Поэтому величина, состояние, структура, благоустройство разнообразных парковых пространств в городе (парков, скверов) важны, сказываясь на качестве жизни каждого горожанина.

Говоря об идеологической политике современного российского государства, исследователи фиксируют, во-первых, существенную активизацию, вызвавшую её проникновению в места, казалось бы, довольно далёкие от политики – пространства городской повседневной жизни, среди которых находятся парки и скверы, а, во-вторых, сращивание с политикой памяти (Копосов, 2011, с. 137, 143). Наша статья посвящена тому, как государственная политика памяти современной России реализуется в парковых пространствах городов Среднего Урала, какие тенденции ей присущи и какое влияние она оказывает на эти пространства, трансформируя последние.

В многочисленных научных публикациях, порождённых сравнительно недавним ростом исследований разнообразных видов коллективной памяти, употребляются такие понятия, как «символическая политика», «политика памяти», «государственная политика памяти», «культурная память», «национальная память», «мемориальная культура» и т. д. Во избежание разночтений, вызванным наличием большого количества толкований данных понятий, приведём определения тех, которые важны для достижения цели нашей статьи. Под политикой памяти будем понимать «целенаправленную деятельность по репрезентации

определённого образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных (речи политиков, учебники истории) и визуальных (памятники, государственная символика) практик»; при том цель политики памяти выступает в создании такого набора образов прошлого, который бы позволил консолидировать общество, снизить возможные противоречия между разными его частями и наиболее эффективно представить образ государства на международной арене (Аникин, 2012, с. 36). В свою очередь, государственная политика памяти – такая форма политики памяти, основным субъектом которой является государство, проводящее соответствующую политику в своих интересах (Беляев, Линченко, 2016). Что касается мемориальной культуры, то, вслед за А. Ассман, станем под ней подразумевать «совокупность форм и средств культурной мнемотехники, с помощью которой группы или культуры выстраивают собственную коллективную идентичность и свою ориентацию во времени» (Буллер, Линченко, 2019, с. 7). Наконец, пользуясь наработками Ф.Б. Шенка (2007), местом памяти будем считать «место в географическом, временном или символическом пространстве, «символическую фигуру», значение которой может меняться в зависимости от контекста её употребления, передачи, привлечения и восприятия» (с. 12). Логично при этом предположить, что места памяти входят в состав мемориальной культуры.

Многие современные уральские парки по причине недофинансирования и чрезвычайной архаичности предлагаемых публице форм досуга, нередко практически повторяющих досуговые технологии начала XX века (см. Открытие сада народных развлечений, 1916, с. 3; Кухер, 2012, с. 41), всё чаще становятся ностальгическими пространствами памяти о советских парках. Это положение стало следствием того, что большинство парков появилось в советский период, их структура – если она ещё прослеживается среди природы, занимающей место культуры – отражает, как правило, планировку 1930-х или 1950-х годов. В руинированном виде фиксируются (при отсутствии более современных объектов – доминируют) скульптуры, арки входа, «малые архитектурные формы», урны, фонтаны, клумбы периода первых пятилеток или позднесталинского стиля. Подобная ситуация поневоле формирует такую основу идентичности парка, при которой руины советского парка начинают восприниматься в качестве исторической ценности, подлежащей сохранению и консервации, а сам парк позиционироваться как памятник эпохе, «парк советского периода». Неудивительно, что в этом окружении возникновение мемориальных объектов, увеличение их количества и превращение в главное содержание данного пространства выглядит органично и по-своему убедительно.

В современной российской провинции парковая мемориальная культура не только наследует советской традиции, но идёт дальше. Советские памятники Ленину, Сталину, Пушкину, скульптуры, изображающие девушку с веслом, пионера-горниста и проч., бесспорно, не были связаны с поминальным культом или культом смерти. Актуальные же парковые мемориальные практики, претендующие на формирование традиции, связанная с ними политика памяти всё больше акцентируют внимание на героизации подвига, приведшего к смерти героя. Послевоенная советская парковая традиция назначения гением места героев Великой Отечественной войны расширяется до максимально возможных пределов, включая в пантеон героев погибших участников любых сверхорди-

нарных событий. И подобное положение в целом не вызывает удивления, если, с одной стороны, принять во внимание такие особенности коллективной памяти наших дней, как криминализацию и виктимизацию прошлого, превращающую историю в цепь преступлений и катастроф, с другой стороны – сопротивление правящих кругов данным процессам, ибо так увиденная история непригодна для патриотического воспитания и сплочения населения (Копосов, 2011, с. 52–54). История, ощущаемая как цепь катастроф и преступлений, даёт преувеличенную тягу к показу жертв и трагических смертей, а стремление правящих кругов превратить историю в базу для воспитания людей в духе лояльности власти, делает жертвы и смерти образцом для подражания и молчаливым укором для тех, в пользу кого были принесены жертвы (Адоньева, 2009, с. 256–257, 260).

Чтобы понять, благодаря чему сложилась подобная ситуация, что дало начало тенденции превращения парков в места памяти и пространства меморации, нужно исследовать историю парков советского и постсоветского периодов. Рассмотрим её и связанные с ней практики создания мемориальных объектов на примере Среднего Урала в контексте дистанцирования от парковых пространств или, напротив, агрессивного проникновения в них, попробуем вычленить ключевые периоды в интересующем нас процессе.

Результаты исследования

Первый мемориальный объект возник в советском Екатеринбурге спустя год после одного из важнейших довоенных событий, ставшего праздником – «освобождение Урала от Колчака» (1919 год). Надо отметить, что этот мемориальный объект был одним из многих подобных, стремившихся увековечить память жертв революции и Гражданской войны, начало которым, по всей видимости, положило захоронение в 1917 году на Марсовом поле в Петрограде останков погибших в февральских уличных беспорядках и воздвижение над могилами временного мемориального сооружения, реконструированного в начале 1920-х годов (Адоньева, 2009, с. 226–227). Памятник «Освобождённому человечеству» скульптора С.Д. Эрзи в Екатеринбурге представлял собой обнажённую женскую фигуру, символизовавшую свободу, возлежащую на шаре (планета Земля) и был сооружён в качестве памятника уральским коммунарам на месте коллективного захоронения жертв Гражданской войны (площадь Коммунаров) (Звагельская, (2007, с. 516). Через несколько лет памятник уберут, поскольку он начал казаться излишне авангардным, вызывающим теперь вместе с другими памятниками раннего агитационного искусства смешанную гамму чувств смущения и иронии (О голом человеке в Свердловске, 1926, с. 3). В последующие годы к памятным датам (1949 и 1959 годы) его сменяют стандартные памятные объекты, перерастающие в мемориальный комплекс с «Вечным огнём». Наиболее значимо для нас то, что этот главный для «столицы Красного Урала» мемориальный объект выносятся за пределы города – фактически захоронение коммунаров и фиксирующий его мемориал расположены вне границ тогдашнего Екатеринбурга. Относительно недалеко от мемориального объекта существовало старое Ивановское кладбище, новый объект стал его органическим дополнением. Высаженные и выросшие со временем деревья образуют вокруг мемориального комплекса зону покоя, опять же включая его в рамки кладбищенской традиции.

В этом есть смысл: новый сакральный объект воспринимается как отражение вечности, его ценность неподвластна времени, поэтому он вынесен за пределы сферы повседневных забот.

Вместе с тем, в парках и скверах Екатеринбурга/Свердловска 1920-х годов подобные объекты не фиксируются. Несмотря на все административные попытки внедрения политико-пропагандистских практик в парковые пространства города, последние преимущественно остаются пространствами рекреации. Таковы главные парки города: бывший Харитоновский парк и сад им. Вайнера, в котором ещё долго сохраняется дореволюционная скульптура – игриво поднявшая ножку античная богиня (Рабинович, 2019, с. 985–994). Сады и парки Екатеринбурга/Свердловска не выступают местами памяти и пространствами коммеморации, они реализуют функции рекреации трудящихся и параллельно служат пропаганде, однако пропаганде мобильной и динамичной (лекции, массовки, концерты), устремлённой в будущее, а не в прошлое.

В небольших городах и посёлках Среднего Урала ситуация могла быть несколько отлична, как минимум, по причине меньшей вариативности выбора места для расположения мемориальных объектов из-за небольшой величины обитаемой территории. Здесь мемориальные объекты могли размещать как в центре, так и на условном месте боёв Гражданской войны, либо выносить за пределы городской/поселковой черты. Классический пример – массовое производство и установка скульптуры-надгробия «Героям, павшим за революцию». Скульптура Г. П. Валёнкова и К. А. Клодта представляла собой фигуру уральского рабочего, держащего в одной руке винтовку, а в другой – молот. Скульптура была отлита на Каслинском заводе и в период с 1922 по 1929 годы установлена во многих уральских городах (Ревда, Сысерть, Златоуст и другие). Финальным этапом стала установка монумента в городе Полевской (1929 год) (Алексеев и др., 2008, с. 38–40). В последнем варианте мы видим, на первый взгляд, ситуацию, которую допустимо трактовать как попытку соединения парковых пространств и мест памяти. На возвышающейся над городом горе Думной в братской могиле похоронили жителей города, погибших в Гражданской войне, и в ознаменование десятилетия победы над Колчаком воздвигли скульптуру рабочего с винтовкой и молотом, снабжённую надписью «Павшим героям за свободу». К мемориалу ведёт аллея, окружающая его территория густо поросла кустарником и деревьями. Мы можем увидеть здесь формальные признаки парка/сквера, но в реальности данное пространство не сквер и не парк, поскольку это не досуговое пространство и место рекреации. Здесь отсутствуют объекты, маркирующие пространство как место массового отдыха. Мемориальный комплекс на горе Думной можно считать классическим местом памяти с характерными для него практиками: здесь допустимо проводить митинги или проводить обряды перехода (посвящение в пионеры). Растительность, окружающая мемориал, не указывает на парковость, а, скорее, выступает маркером кладбищенской территории. Таким образом, в 1920-е годы политика памяти осуществляется преимущественно вне парковой зоны, отведённой под настоящее и будущее, но репрезентируется и каменеет в пригородных монументах, являющих собой либо приобщение к сакральному прошлому, либо к безвременью вечности.

В 1930-е годы логика выбора пространств реализации государственной политики памяти в целом не меняется. Сплошная проработка протоколов за-

седаний первичной партийной ячейки Центрального парка культуры и отдыха г. Свердловска с 1934 по 1944 годы не позволила нам обнаружить наличие даже единичных попыток основать в парке ритуальные площадки с памятными объектами и организовать коммеморативные практики (см. Центр документации ..., 1934–1944). Это достаточно важно, поскольку ЦПКиО им. В. Маяковского в Свердловске – изначально и до 1934 года – главный парк огромной Уральской области. Но и позднее ЦПКиО им. В. Маяковского остаётся наиболее статусным парком Урала, на политику которого ориентируются другие уральские парки.

В уральских парках 1930-х – первой половины 1940-х годов в пропорции, колеблющейся в ту или иную сторону, сочетаются идеологически относительно нейтральная скульптура и малые архитектурные формы (скульптурные изображения спортсменов, детей, животных; гипсовые вазоны и т. п.) с обязательным набором памятников политическим деятелям (Сталин, Ленин, Киров и др.). Так, в ЦПКиО им. В. Маяковского в Свердловске мы встретили бы памятники, изображающие Сталина с газетой в руке, Ленина и Сталина, беседующих на скамейке в Горках, Кирова, Дзержинского, фонтан «Мальчик с рыбой», скульптуры в виде оленей и журавлей, вездесущие вазоны. Мемориальную скульптуру или памятники, воспевающую подвиг погибших, по той или иной причине мы там не увидим (Рабинович, 2019, с. 1017–1042). Подобная ситуация типична и для других парковых пространств.

Ситуация поменяется во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов, демонстрирующих явную активизацию государственной политики памяти. Миф о войне, начавший целенаправленно формироваться ещё в годы Великой Отечественной войны, настаивающий на внезапности нападения на СССР, маскирующий поражения в начале войны, подающий советский народ как единый организм, сумевший под мудрым руководством партии и лично Сталина мобилизоваться, дать отпор хитрому, жестокому врагу и т. п. (Копосов, 2011, с. 91), требовал своего воплощения в вещественных формах – а именно в формах памятников и мемориалов. Овеществовать нужную власти версию истории нужно было ещё и потому, что чересчур свежей оставалась в памяти людей реальная повседневность войны и тяжёлой жизни в тылу, слишком контрастировавшая с «парадной» версией войны (Гудков, 2005). Непосредственно после Великой Отечественной войны были предприняты первые попытки воздать должное тем, кто совершал подвиги или просто погиб в ходе военных действий. Впрочем, примеры редки и реализованы в логике, сформированной политикой памяти 1920–1930-х годов, практически не затрагивая парковые пространства (см., напр., Звагельская, 2008, с. 324).

В середине 1960-х годов, к двадцатилетнему юбилею победы, начал реализовываться масштабный план по увековечиванию памяти героев Великой Отечественной войны. Этот план в целом был связан с корректировкой идеологии власти, которая после смены правящего лидера нуждалась в самолегитимации. Самолегитимация новая правящая команда обрела в обращении к прошлому, а именно к военному мифу, частично оспоренному за годы хрущёвской «оттепели», однако впоследствии не только восстановленному (Копосов, 2011, с. 99), но и приобретшему немало средств для лучшего внедрения в сознание людей – разнообразные памятники и ритуалы, произведения литературы, кинематографа, живописи, программы телевидения и т. д. (Дубин, 2008). Как отмечали, говоря

о специфике корректировки государственной идеологии в 1960-е годы П. Вайль и А. Генис (1996), «будущее нуждалось в прочном фундаменте. Но что может быть прочнее 20 миллионов павших? Война обладала всеми достоинствами очевидного факта. <...> Значит, несмотря на все преступления социалистического строя, он выдержал грозную проверку» (с. 92). Любопытно при том, что основания расцвета разнообразных ритуальных практик, сопровождавших брежневскую редакцию мифа о войне, были заложены ещё в предыдущий «оттепельный» период, повернувший пропаганду в сторону большего эмоционального воздействия на людей, что подразумевало изобретение новых традиций и гражданских ритуалов (Копосов, 2011, с. 97–98).

Что касается интересующего нас формирования мест памяти и ритуальных площадок, то и первое, и второе получили большое развитие именно со второй половины 1960-х годов. Скромные обелиски-кенотафы с фамилиями погибших, устанавливаемые в конце 1940-х – начале 1950-х годов, а также чуть более представительные памятники (устанавливаемые за счёт средств, собранных местным населением), сменились грандиозными мемориальными комплексами, выполненными командами профессиональных работников искусства (например, комплексы в Ленинграде, Сталинграде, Бресте, Курске и др.) и профинансированными государством (Конрадова Н., Рылева А., 2005). Именно в то время широко распространились хорошо известные любому современному россиянину мемориалы с «Вечным огнём», фигурами солдата, Родины-матери и др.

Если памятники революции и Гражданской войны почти не отразились на структуре парков, то мемориализация героев Великой Отечественной войны оказала намного большее воздействие, распространившееся на всю страну. Типичным примером для Среднего Урала можно признать парк Победы в городе Ревде. Парк был заложен к двадцатилетнему юбилею Победы, а его смысловым центром стал монумент «Героям фронта и тыла» (1965) (Алексеев и др., 2008, с. 86). Подобна и структура парка культуры и отдыха города Первоуральска, где парк фактически центрован вокруг мемориала «Единство фронта и тыла» (1968).

Возникшая в 1960-е годы традиция продолжится и в следующие советские десятилетия, определяясь десятилетними циклами, своеобразной юбилейной логикой мемориализации. Так, в городе Серове на месте скромного знака, установленного в 1966 году, открыт к тридцатилетию победы мемориал с «Вечным огнём», фигурой Родины-матери, плитами с именами погибших – и всё это в центре сквера, который до того включал в себя относительно нейтральные памятники Пушкину, Ворошилову, скульптуру, изображающую девушку-спортсменку (Листратенко, 2019, с. 67; Серов-125 ..., 2018).

В годы горбачёвской «перестройки» и далее, на протяжении 1990-х годов, государственная политика памяти не отличалась последовательностью и, в общем, не демонстрировала наличие единой линии. По меньшей мере, миф о войне был слабо востребован в течение 1990-х годов, а в образе войны, создаваемом медиа, подчёркивался страдания народа и высокая цена победы (Копосов, 2011, с. 136). Начиная же с 2000 года, курс государственной политики памяти резко меняется и делается последовательным. Во-первых, можно зафиксировать явное оживление государства как основного субъекта этой политики, во-вторых, возвращение к советским образцам, в частности, советскому мифу о войне. Значение победы в войне возросло многократно, став важным элементом коллективной

идентификации современных россиян. Согласно ёмкому и образному выражению Л. Гудкова (2005), «Победа торчит сегодня как каменный столб в пустыне, оставшийся после выветривания скалы. Она стягивает к себе все важнейшие линии интерпретаций настоящего, задаёт им масштаб оценок и риторические средства выражения». В целом же миф о войне и память о войне используются для легитимации существующего социального порядка, для консервации социального целого и в качестве важного довода в пользу международного признания заслуг России (Дубин, 2008; Копосов, 2011, с. 162–163).

Что касается овеществления политики памяти в мемориалах и памятниках, то исследователи подмечают несколько любопытных тенденций: 1) появляются не только памятники другим чрезвычайным (не всегда военным) событиям и их участникам – участникам войны в Афганистане, в Чечне, ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС, жертвам политических репрессий и др. – но также новые памятники старым событиям; 2) каждому событию ставится отдельный памятник; 3) новые памятники не объединяются в единые мемориальные комплексы, а пристраиваются к уже существующим мемориалам, посвящённым победе в Великой Отечественной войне; 4) таким образом, общий дизайн мемориальных комплексов тяготеет к потере смыслового центра и отсутствию единой стилистики; 5) мемориальные комплексы старого типа, воздвигнутые в советский период, стали для населения местом повседневных прогулок и сбора молодёжных компаний (Конрадова, Рылева, 2005).

Современная мемориальная культура в уральских парках, как и по России в целом, основывается на советской традиции, что, как минимум, связано с появлением значительной части парков Урала именно в советское время. Центрирование парка вокруг мемориала делает его своеобразным аналогом кладбища, традиционно представляющего собой реальные могилы и/или кенотафы, помещённые среди зелёных насаждений. Если парк снабжён мемориалом, это говорит о том, что мы имеем дело не только (или даже не столько) с пространством отдыха, но и с местом реализации государственной политики памяти.

Рассмотрим конкретные примеры в городах Свердловской области. Алапаевск: в 2017 году в сквере установлен памятник «Героям необъявленных войн» (скульптор В. Мосиелов). Нижний Тагил: в 1999 году (реконструирован в 2015 году) в сквере на набережной городского пруда установлен памятник воинам-тагильчанам, погибшим в локальных войнах планеты, названный «Героям необъявленных войн» (скульптор А. Г. Неверов). Нижняя Салда: в 2006 году в городском парке открыт памятник погибшим в локальных войнах. Новоуткинск: в 2018 году в сквере открыт памятник новоуткинцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Верхняя Пышма: в 2003 и 2007 годах в сквере Воинской Славы установлен памятник участникам локальных конфликтов (скульптор Р. Ш. Омаров). Каменск-Уральский: в лесопарке заложена Аллея Славы, в 2009–2016 годах формируется большой мемориальный комплекс памяти погибших в локальных войнах, который включает установленную на постамент БМП, памятные плиты с именами погибших, памятник генералу В. П. Дубынину, памятник генералу В. Ф. Маргелову (Войтенко, 2019, с. 56–57, 83–84, 97–98, 107, 149–150, 180–182). Список может быть продолжен, мы указали лишь некоторые мемориальные объекты.

Можно констатировать, что на Среднем Урале продолжается линия, заложенная в 1960-е годы – создание мемориалов, посвящённых памяти жертв войны. Отличия состоят в использовании более камерных скульптурных форм, в отсутствии очевидной привязки к юбилейным датам и в появлении мемориальных объектов, посвящённых участникам локальных военных конфликтов (Афганистан, Чечня и др.), ликвидаторам аварии на Чернобыльской АЭС, представителям различных силовых структур и родов войск (МВД, ВДВ и т. д.). При этом главным пространством материального воплощения государственной политики памяти становятся скверы и парки. Таким образом, пространство отдыха превращается в пространство памяти о войнах и катастрофах, а сфера мемориализации вытесняет изначальную функцию, тотально подчиняя её себе.

Проиллюстрируем этот процесс чуть более крупно конкретными случаями, взяв областной центр (Екатеринбург) и небольшой города (Дегтярск).

ЦПКиО им. В. Маяковского в Екатеринбурге начал включаться в реализацию государственной политики памяти постепенно. Первым шагом была установка памятника погибшим свердловским разведчикам-мотоциклистам, которая состоялась в 1995 году (проект Г. А. Голубева, 1995 год), приуроченная к пятидесятилетию победы (Осипова, без даты). Памятник разведчикам-мотоциклистам существовал и ранее, но располагался за пределами парка, возле южных его ворот. Теперь новую версию памятника принял парк, хотя и на месте, находящемся в отдалении от центральных аллей и зоны аттракционов. Любопытно, что накануне следующего юбилея победы, в 2014 году, начальник Управления культуры администрации Екатеринбурга поделилась с журналистами планом перемещения памятника ближе к центру парка (Памятник мотоциклистам-разведчикам в ЦПКиО ждет масштабное обновление, 2014). Этому замыслу не суждено было воплотиться, однако политика памяти нашла энергичного продолжателя в виде директора парка Р. А. Шадрина, занимавшего этот пост с 2015 по 2020 годы, военного в отставке, участника боевых действий и обладателя звания героя Российской Федерации.

Р. А. Шадрин решил превратить место, где уже стоял памятник разведчикам-мотоциклистам, в так называемую «Аллею ратной славы». Начиная с осени 2017 года, образуя собой «Аллею...», один за другим стали появляться памятные знаки, отмечающие достижения некоторых видов войск, а также память о разного рода событиях: знак в честь группы советских войск в Германии, знак памяти участников ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, знак, посвящённый войскам правопорядка, знак в честь воинов-пограничников, знак, отмечающий подвиги пожарных-спасателей. Реакция горожан на установку памятных знаков оказалась неоднозначной, поскольку дизайн памятных знаков сильно напоминал дизайн кладбищенских памятников (Кругом могилы с венками, 2017).

В День народного единства 4 ноября 2017 года на «Аллее ратной славы» был открыт памятник советским героям-десантникам отцу и сыну Маргеловым (Войтенко, 2019, с. 38–39). Наконец, 29 сентября 2018 года памятный знак, посвящённый воинам-пограничникам, был замещён полновесной скульптурной группой, изображающей воина-пограничника со служебной собакой возле пограничного столба (В ЦПКиО вместо «могильных плит» установили памятник пограничникам, 2018).

Таким образом, «Аллея ратной славы» в настоящее время представляет собой причудливое соединение памятников разного стиля и времени установки, памятных знаков, внешне похожих на кладбищенские памятники. Дизайн памятников и памятных знаков не был согласован ни в какой муниципальной институции; мнения посетителей парка относительно того, какими бы они желали видеть данные скульптурные объекты (и желали ли бы вообще), не выяснялось. Наверное, последнее обстоятельство и определило то, что горожане до сих пор не могут примириться с существованием отдельных объектов «Аллеи...», хотя со времени её основания прошло около трёх лет. Так, недавно зафиксированы случаи вандализма и порчи памятников (В парке Маяковского разбили монументы на Аллее силовых структур, 2020), которые выражают отношение людей и вписываются в общероссийскую тенденцию вымещения негативного восприятия памятников, к проектам и появлению которых местные жители никак не причастны (Колягина, 2014).

Случай Дегтярска. Небольшой город в Свердловской области (население около 15 тысяч человек), выросший вокруг медных шахт, которые сейчас закрыты по причине исчерпания рудных запасов. Единственный парк города ожидаемо получил название Парка шахтёров. Решённый в стилистике первых пятилеток (парадные аллеи, статуи шахтёров с отбойными молотками), в последние годы парк пережил радикальную трансформацию. В северной части парка доминирует мемориал жителям города, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Это стела и окружающие её мраморные плиты с именами погибших. В южной части парка разместились более современный комплекс мемориальных объектов. В 2013 году здесь была заложена Аллея Славы, появился памятник воинам-интернационалистам. В 2016 году была установлена БРДМ (бронированная разведывательно-дозорная машина) (Войтенко. 2019, с. 116). Возник памятный знак в честь воинов-интернационалистов и воинов-участников локальных конфликтов. Позднее комплекс был дополнен памятниками: «Морякам флота России», «Ликвидаторам техногенных катастроф», мемориалом жертвам политических репрессий. Около Аллеи Славы, расположен памятник лётчику С. И. Сафронову (мемориальная плита и хвостовая часть самолёта), погибшему в небе над Дегтярском при задержании американского самолёта-разведчика в 1960 году.

Перечисленные мемориальные объекты занимают значительную территорию парка и, более того, разбиты на две группы, мемориальными «клещами» замыкающими между собой пространство отдыха. Фактически, здесь мемориализация победила – парк стал местом памяти, кладбищем, перестав, даже потенциально, быть пространством рекреации, поскольку каждый из этих мемориальных объектов предполагает окружающую его «зону покоя» с неопределёнными, а, следовательно, потенциально конфликтогенными границами. Последнее делает невозможным реализацию проектов модернизация зарастающего и умирающего парка.

Заключение

В результате столь деятельной реализации политики памяти, современные парки становятся скорее местами коммеморации, нежели рекреации. Последнее,

в свою очередь, закладывает основу будущих конфликтов. Занимая даже иногда незначительные части парков, мемориальные объекты, тем не менее, стремятся к тотальному доминированию, радикально меняя наполнение пространства, полностью захватывая его, преобразая территорию отдыха в пространство памяти. Очевидно, что детская площадка с горками и песочницами органически неуместна рядом с памятником жертвам политических репрессий, а пространство, где работники парка организуют детей для различных физических активностей в игровой форме, резко контрастирует с мемориалом погибших в чеченских войнах. Как следствие, некоторые посетители будут воспринимать парк в роли места рекреации, другие же, воспринимающие парк в качестве сакрального места памяти, будут оскорблены неуместностью чрезмерно шумного, недопустимого в «таком месте» поведения резвящихся детей или влюблённых, целующихся в непосредственной близости от мемориального объекта. Ситуация подобного рода, при которой в одном парковом пространстве противоречиво сочетаются рекреационная и коммеморативная функции, не уникальна, фиксируется в разных городах России. Приведём для примера мемориальный комплекс на Поклонной горе в Москве, сочетающий широкий ряд мемориальных объектов с проведением досуговых мероприятий вроде фестиваля мёда, Последнего звонка и проч. (Колягина, Конрадова, 2015); Парк Победы в одном из новых районов Казани, ставший местом отдыха горожан по причине отсутствия иной рекреационной структуры в пределах района (Тимофеев, 2015, с. 55). И вызывает эта ситуация резонный вопрос – как совместить отдых с почитанием памяти павших?

Кроме того, появление мемориальных объектов создаёт явные сложности для модернизации парковых пространств. Не только сам мемориальный объект, но и зона вокруг него воспринимаются как территория тотального градостроительного покоя. При этом, размеры площади данной символической зоны покоя определяются крайне субъективно. На каком расстоянии от памятника военнопленным, погибшим в одной из войн, или мемориала жертвам Холокоста допустимо создание развлекательных и рекреационных объектов? Любая попытка реконструкции и/или модернизации паркового пространства, включающего мемориальные объекты, рождает почти неизбежный конфликт между потенциальными модернизаторами и посетителями парка, принадлежащими к разным городским сообществам. Можно предположить, что в итоге такие мемориальные зоны будут окружаться максимально значительной неиспользуемой территорией, разрывая целостную структуру парка, создавая табуированные для вмешательства зоны памяти в меняющемся пространстве современности. Отметим, что если в территориально крупных парках возможны определённые вариации на тему опасного (в силу своей потенциальной разгорающейся/затухающей конфликтности) баланса консервации/модернизации, то в небольших парках, сравнимых с Парком шахтёров в Дегтярске, такое не представляется возможным. Столь жёсткий вывод обусловлен, как минимум, тем, что беззаботный отдых в окружении знаков скорби едва ли является нормативным для части посетителей.

Дальнейшее проведение политики по превращению парков в места памяти делает эти открытые публичные пространства местом потенциальных культурных войн с возможными элементами реального насилия. Принадлежность общественных открытых пространств, в том числе и парковых, характер их дальнейшего использования – весьма чувствительная тема, вызывающая всё

большее количество конфликтов в различных городах России, среди которых и Екатеринбург.

Однако с другой стороны, мемориалы, превращающие парки как пространство рекреации в квазикладбища, парадоксальным образом одновременно и сохраняют их. Застройщики могут договориться с городской администрацией о вырубке деревьев, фактическом уничтожении парка или сквера для строительства домов, торгового комплекса, бизнес-центра. Но если в парке/сквере расположен мемориал, то это почти невозможно без значительнейшего медиа-конфликта, вследствие которого пострадает репутация застройщика. В итоге, мемориалы аннигилируют пространство рекреации парка, являясь, вместе с тем, гарантами его сохранения, а выбитые на мемориалах имена становятся духами покровителями, подлинными *genius loci*.

Список литературы

1. Адоньева, С. (2009). *Дух народа и другие духи*. СПб.: Амфора.
2. Алексеев, Е. П., Черепов, В. А., Ярков, С. П. (2008). *Памятники монументального искусства Свердловской области*. Екатеринбург: Сократ.
3. Аникин, Д. А. (2012). Стратегии политики памяти на постимперском пространстве. *Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика*, 12(2), 34–38.
4. Беляев, Е. В., Линченко, А. А. (2016). Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия. *Studia Humanitatis*, 2. Взято 6 июня 2020, с <http://st-hum.ru/content/belyaev-ev-linchenko-aa-gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo>
5. Буллер, А., Линченко, А. А. (2019). Культурная память как предмет философского осмысления. *Диалог со временем*, 66, 5–18.
6. *В парке Маяковского разбили монументы на Аллее силовых структур*. (2020, 21 мая). Взято 6 июня 2020, с <https://www.uralweb.ru/news/crime/513131-v-parke-mayakovskogo-razbili-monumenty-na-allee-silovyh-struktur.html>
7. *В ЦПКиО вместо «могильных плит» установили памятник пограничникам. Фото до и после* (2018, 27 сентября). Взято 6 июня 2020, с <https://66.ru/news/society/215578/>
8. Вайль, П., Генис, А. (1996). *60-е. Мир советского человека*. М.: Новое литературное обозрение.
9. Войтенко, А. А. (2019). *Чернеют от крови тюльпаны. Памятники свердловчанам – участникам боевых действий в Афганистане, на Северном Кавказе и в других горячих точках второй половины XX – начала XXI веков*. Екатеринбург: Генри Пущель.
10. Гудков, Л. (2005). «Память» о войне и массовая идентичность россиян. *Неприкосновенный запас*, 2. Взято 6 июня 2020, с <https://magazines.gorky.media/authors/g/lev-gudkov>
11. Дубин, Б. (2008). Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий. *Отечественные*

записки, 4. Взято 6 июня 2020, с http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voynapamyat-o-vojne-konstruirovaniie-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletii#_ftnref8

12. Звагельская, В.Е. (Ред.). (2007). *Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 1. Екатеринбург*. Екатеринбург: Сократ.

13. Звагельская, В.Е. (Ред.). (2008). *Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 2. Свердловская область*. Екатеринбург: Сократ.

14. Колягина, Н. (2014, 24 ноября). *Бюрократы, патриоты, аутсайдеры: стратегии взаимодействия с новыми российскими памятниками*. Взято 6 июня 2020, с <http://gefter.ru/archive/13632>

15. Колягина, Н., Конрадова, Н. (2015). День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы. *Неприкосновенный запас*, 3. Взято 6 июня 2020, с <https://magazines.gorky.media/nz/2015/3/den-pobedy-na-poklonnoj-gore-struktura-prostranstva-i-ritualy.html>

16. Конрадова, Н., Рылева, А. (2005). Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной. *Неприкосновенный запас*, 2. Взято 6 июня 2020, с <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/geroi-i-zhertvy-memorialy-velikoj-otechestvennoj.html>

17. Копосов, Н. (2011). *Память строгого режима. История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.

18. *Кругом могилы с венками: в ЦПКиО вместо Аллеи ратной славы сделали кладбище* (2017, 16 октября). Взято 6 июня 2020, с <https://66.ru/news/society/203921/>

19. Кухер, К. (2012). *Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху 1928–1941*. М.: РОССПЭН.

20. Листратенко, Е.А. (Ред.). (2019). *Серов. Историческая азбука*. Серов: МБУК «ЦБС СГО» ЦГДБ.

21. О голом человеке в Свердловске (1926, 11 июня). *На смену!*, 3.

22. Осипова, А. (без даты). *Под крылом «мотобабушки». История свердловских разведчиков-мотоциклистов, которым установлен памятник в ЦПКиО им. Маяковского*. Взято 6 июня 2020, с https://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2019-05-09/_2

23. Открытие сада народных развлечений (1916, 15 июня). *Зауральский край*, 3.

24. *Памятник мотоциклистам-разведчикам в ЦПКиО ждет масштабное обновление* (17 июня, 2014). Взято 6 июня 2020, с <https://ekaterinburg.pf/news/3590-pamyatnik-mototsiklistam-razvedchikam-v-tspkiio-zhdet-masshtabnoe-obnovlenie>

25. Рабинович, Е. (2019). *Центральный парк культуры и отдыха им. В. Маяковского*. Екатеринбург: ТАТЛИН.

26. *Серов-125. И в городе родном мне интересно жить!* (2018, 20 ноября). Взято 6 июня 2020, с <http://serovrb.ru/town/serov-125-i-v-gorode-rodnom-mne-interesno-zhit/>

27. Тимофеев, М.Ю. (2015). Помни о Родине-матери. Конкурирующие места памяти. *Лабиринт*, 4, 43–63.

28. Центр документации общественных организаций Свердловской области. (1934–1944). *Фонд Центрального парка культуры и отдыха*

им. В. В. Маяковского, Октябрьский район, г. Свердловск (ф. 2310, оп. 1., Д. 1а – Д. 1г).

29. Шенк, Ф.Б. (2007). *Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000)*. М.: Новое литературное обозрение.

References

1. Adon'eva, S. (2009). *Duh naroda i drugieduhi* [Spirit of the nation and other spirits]. SPb.: Amfora.
2. Alekseev, E. P., Cherepov, V. A., & Yarkov, S. P. (2008). *Pamyatniki monumental'nogo iskusstva Sverdlovskoj oblasti* [Objects of monumental art of the Sverdlovsk region]. Ekaterinburg: Sokrat.
3. Anikin, D. A. (2012). Strategii politiki pamyati na postimperskom prostranstve [Strategies of politics of memory on Postimperial space]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, 12(2), 34–38.
4. Belyaev, E. V., & Linchenko, A. A. (2016). Gosudarstvennaya politika pamyati i cennosti massovogo istoricheskogo soznaniya v sovremennoj Rossii: problemy i protivorechiya [State politics of memory and the values of the mass historical consciousness in modern Russia: issues and contradictions]. *Studia Humanitatis*, 2. Retrieved June 6, 2020, from <http://st-hum.ru/content/belyaev-ev-linchenko-aa-gosudarstvennaya-politika-pamyati-i-cennosti-massovogo>
5. Buller, A., & Linchenko, A. A. (2019). Kul'turnaya pamyat' kak predmet filosofskogo osmysleniya [Cultural memory as a subject of philosophical understanding]. *Dialog so vremenem*, 66, 5–18.
6. Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti (1934–1944). *Fond Central'nogo parka kul'tury i otdyha im. V.V. Mayakovskogo Oktyabr'skij rajon, g. Sverdlovsk* [Fund of the Central Recreation Park named after V.V. Mayakovsky, Oktyabrsky district, Sverdlovsk] (ф. 2310, оп. 1. Д. 1а – Д. 1г.).
7. Dubin, B. (2008). Pamyat', vojna, pamyat' o vojne. Konstruirovaniye proshlogo v social'noj praktike poslednih desyatiletij [Memory, war, memory of war. Constructing the past in the social practice of recent decades]. *Otechestvennye zapiski*, 4. Retrieved June 6, 2020, from [http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-o-voyne-konstruirovaniye-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletij#_ftnref8](http://www.strana-oz.ru/2008/4/pamyat-voyna-pamyat-o-vojne-konstruirovaniye-proshlogo-v-socialnoy-praktike-poslednih-desyatiletij#_ftnref8)
8. Gudkov, L. (2005). “Pamyat” o vojnei massovaya identichnost' rossiyan [“Memory” of the war and mass identity of Russians]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2. Retrieved June 6, 2020, from <https://magazines.gorky.media/authors/g/lev-gudkov>
9. Kolyagina, N. (2014, November 24). *Byurokraty, patrioty, autsajdery: strategii vzaimodejstviya s novymi rossijskimi pamyatnikami* [Bureaucrats, patriots, outsiders: strategies for interacting with new Russian monuments]. Retrieved June 6, 2020, from <http://gefter.ru/archive/13632>
10. Kolyagina, N., & Konradova, N. (2015). Den' Pobedy na Poklonnoj gore: struktura prostranstva i ritualy [Victory day on Poklonnaya mountain: structure of space and rituals]. *Neprikosnovennyj zapas*, 3. Retrieved June 6, 2020, from

<https://magazines.gorky.media/nz/2015/3/den-pobedy-na-poklonnoj-gore-struktura-prostranstva-i-ritualy.html>

11. Konradova, N., & Ryleva, A. (2005). Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoj Otechestvennoj [Heroes and victims. World War II Memorials]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2. Retrieved June 6, 2020, from <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/geroi-i-zhertvy-memorialy-velikoj-otechestvennoj.html>

12. Koposov, N. (2011). *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Strict-mode memory. History and politics in Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

13. *Krugom mogily s venkami: v CPKiO vmesto Allei ratno jslavy sdelali kladbishche* [Around the grave with wreaths: the cemetery was made instead of the alley of military glory in Central Park] (2017, October 16). Retrieved June 6, 2020, from <https://66.ru/news/society/203921/>

14. Kuher, K. (2012). *Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuyu epohu 1928–1941* [Gorky park. Leisure culture in the Stalin era 1928–1941]. M.: ROSSPEN.

15. Listratenko, E. A. (Ed.). (2019). *Serov. Istoricheskaya azbuka* [Serov. Historical alphabet]. Serov: MBUK «CBS SGO» CGDB.

16. *O golom cheloveke v Sverdlovsk* [About a naked man in Sverdlovsk] (1926, June 11). *Na smenu!*, 3.

17. Osipova, A. (n. d.). *Pod krylom «motobabushki». Istoriya sverdlovskih razvedchikov-motociklistov, kotorym ustanovlen pamyatnik v CPKiO im. Mayakovskogo* [Under the wing of a motorcycle grandmother. The history of the Sverdlovsk scout-motorcyclists in whose honor a monument was erected in the Central Mayakovsky Park]. Retrieved June 6, 2020, from https://ekburg.tv/articles/gorodskie_istorii/2019-05-09/_2

18. Otkrytie sada narodnyh razvlechenij [Opening of the folk entertainment garden] (1916, June 15). *Zaural'skij kraj*, 3.

19. *Pamyatnik motociklistam-razvedchikam v CPKiO zhdet masshtabnoe obnovlenie* [Monument to motorcyclists-scouts in the Central Park is waiting for a large-scale update] (2014, June 17). Retrieved June 6, 2020, from <https://ekaterinburg.rf/news/3590-pamyatnik-mototsiklistam-razvedchikam-v-tspkio-zhdet-masshtabnoe-obnovlenie>

20. Rabinovich, E. (2019). *Central'nyj park kul'tury i otdyha im. V. Mayakovskogo* [Central Park of culture and recreation named after V. Mayakovsky]. Ekaterinburg: TATLIN.

21. *Serov-125. I v gorode rodnom mne interesno zhit'!* [Serov-125. And it is interesting to live in my native city!] (2018, November 20). Retrieved June 6, 2020, from <http://serovrb.ru/town/serov-125-i-v-gorode-rodnom-mne-interesno-zhit/>

22. Shenk, F. B. (2007). *Aleksandr Nevskij v russkoj kul'turnoj pamyati: svyatoj, pravitel', nacional'nyj geroy (1263–2000)* [Alexander Nevsky in Russian cultural memory: saint, leader, national hero (1263–2000)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

23. Timofeev, M. Yu. (2015). Pomni o Rodine-materi. Konkuriuyushchie mesta pamyati [Remember the Motherland! Competing realms of memory]. *Labirint*, 4, 43–63.

24. *V CPKiO vmesto „mogil'nyh plit” ustanovili pamyatnik pogranichnikam. Foto do iposle* [A monument to border guards was installed instead of “tombstones” in the Central park. Before and after photos] (2018, September 27). Retrieved June

6, 2020, from <https://66.ru/news/society/215578/>

25. *V parke Mayakovskogo razbili monumenty na Allee silovyh struktur* [Monuments were broken up on the Alley of law enforcement agencies in Mayakovsky Park] (2020, May 21). Retrieved June 6, 2020, from <https://www.uralweb.ru/news/crime/513131-v-parke-mayakovskogo-razbili-monumenty-na-allee-silovyh-struktur.html>

26. Vajl', P., & Genis, A. (1996). *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60s. The world of the Soviet man]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

27. Vojtenko, A. A. (2019). *Cherneyut ot krovi tyul'pany. Pamyatniki sverdlovchanam – uchastnikam boevykh dejstvij v Afganistane, na Severnom Kavkazei v drugih goryachih tochkah vtoroj poloviny XX – nachala XXI vekov* [Tulips turn black with blood. Monuments to Sverdlovsk residents who fought in Afghanistan, the North Caucasus and other hot spots in the second half of the 20th and early 21st centuries]. Ekaterinburg: Genri Pushel'.

28. Zvigel'skaya, V.E. (Ed.). (2007). *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoj oblasti. T. 1. Ekaterinburg* [Summary of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region. Vol. 1. Ekaterinburg]. Ekaterinburg: Sokrat.

29. Zvigel'skaya, V.E. (Ed.). (2008). *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoj oblasti. T. 2. Sverdlovskaya oblast'* [Summary of historical and cultural monuments of the Sverdlovsk region. Vol. 2. Sverdlovsk region]. Ekaterinburg: Sokrat.